

МЕТАСЮЖЕТ О СПЯЩЕЙ / ПОХИЩЕННОЙ КРАСАВИЦЕ В ТВОРЧЕСТВЕ Б.ПАСТЕРНАКА

© А.В.Молчанова

Предметом рассмотрения в статье являются особенности сюжетообразования в творчестве Б.Пастернака. В произведениях поэта частотно обращение к синонимичным сюжетам и сюжетным мотивам, которые складываются в единый сюжет метауровня – метасюжет. По своей семантике часть этих сюжетов и мотивов восходит к одному из древнейших "готовых сюжетов" мировой культуры – о *Спящей / похищенной красавице*. Сюжет о *Спящей / похищенной красавице* в поэтической книге "Сестра моя – жизнь" смыкается с редуцированным любовным сюжетом книги. В лирике поэта 1940-х годов оказываются востребованными другие варианты интерпретации сюжета о *Спящей / похищенной красавице* – фольклорная сказка и литературные жанры, повествующие о подвигах святого (жития, апокрифы). Замысел пьесы "Слепая красавица" также включен в контекст устойчивого для творчества поэта сюжета о *Спящей / похищенной красавице*.

Ключевые слова: метасюжет, циклический сюжет, мотив, архетипический мотив, мифологема, изоморфный

Предметом рассмотрения в статье являются особенности сюжетообразования в творчестве Б.Пастернака. В произведениях поэта частотно обращение к синонимичным сюжетам и сюжетным мотивам, которые складываются в единый сюжет метауровня – метасюжет. По своей семантике часть этих сюжетов и мотивов восходит к одному из древнейших "готовых" сюжетов мировой культуры – о *Спящей / похищенной красавице*. Если такие устойчивые сюжетные схемы, как сюжет об умирании и возрождении в природном мире и сюжет об умирании и воскрешении бога достаточно подробно исследованы на материале творчества Б.Пастернака, то вариант сюжета о *Спящей / похищенной красавице* не становился предметом специального изучения.

Модели реализации архетипической сюжетной схемы о *Спящей / похищенной красавице* в произведениях поэта могут быть рассмотрены в качестве одного из вариантов репрезентации авторской концепции красоты. Реконструкция общей сюжетной схемы в лирике Б.Пастернака становится возможной при анализе интертекстуальных и автобиографических отсылок в поэтической книге "Сестра моя – жизнь", отдельных лирических текстов из циклов "Стихи о войне" и "Стихотворения Юрия Живаго", а также незавершенной пьесы "Слепая красавица". По замечанию Н.А.Фатеевой, между произведениями одного автора могут возникать "отношения семантической эквивалентности. <...> Становится очевидным, что за этими текстами стоит некий инвариантный код смыслопорождения" [1: 181]. Способами реализации этого кода является в художественном тексте метатроп и метасюжет. Метатроп – это "семантическое отношение адек-

ватности, которое возникает между поверхностно различными текстовыми явлениями разных уровней в рамках определенного художественного идиостиля" [1: 181-182]. В соответствии с этим можно определить метасюжет как сюжетный инвариант, реализующийся в различных текстах одного автора на уровне вариантных сюжетных схем и отдельных сюжетных мотивов.

Архетипический сюжет о *Спящей / похищенной красавице* в сборнике "Сестра моя – жизнь" трактуется в контексте его интерпретации в античной мифологии и позднейших литературных произведениях, связанных с мифом о Елене Прекрасной. Соотнесенность поэтической книги Б.Пастернака с сюжетом о похищении Елены Прекрасной как вариантом интерпретации "готового сюжета" о похищенной красавице задана в эпиграфах и на образном уровне сборника. Наиболее отчетливо сюжет о *Спящей / похищенной красавице* репрезентируется системой эпиграфов в ранней редакции "Сестры моей – жизни". В первоначальном варианте книги было четыре эпиграфа, рассмотрение которых позволяет предположить их смысловое единство и связь с сюжетом о *похищенной красавице*. Два из четырех первоначально предпосланных книге эпиграфов связаны с образом Елены Прекрасной. Намеченная в них связь с гетевской интерпретацией образа Елены актуализируется благодаря введению в смысловое пространство книги комплекса интертекстуальных отсылок к "Фаусту" И.В.Гете. В эпиграфе из стихотворения австрийского поэта Н.Ленау, сохраненном в последней редакции книги лирики "Сестра моя – жизнь", утверждается единство источника природной и женской красоты как ипостасей единой сущно-

сти. Стихотворение Н.Ленау, из которого взят эпиграф к книге Б.Пастернака, по замечанию К.Т.О'Конног, восходит к "Фаусту" И.В.Гете. Исследовательница отмечает возможную связь образа фаустовской Елены, чьи одежды превратились в облако и перенесли Фауста на вершину высокого скалистого гребня, с образом тучки из стихотворения М.Ю.Лермонтова "Утес" [2: 214]. Строки из лермонтовского "Утеса" введены в книгу "Сестра моя – жизнь" в качестве эпиграфа к стихотворению "Девочка" ("Ночевала тучка золотая...") и также имплицитно направлены на соотнесение образа героини любовного сюжета сборника Б. Пастернака с образом Елены Прекрасной.

Стихотворение Э.А.По, к которому обращается Б.Пастернак в качестве источника для эпиграфа, также взято из текста, отсылающего к мифу о Елене Прекрасной и к гетевскому тексту. Эпиграф из стихотворения Э.А.По "To Helen" актуализирует характерный для художественного мира поэта прием взаимоналожения частного любовного и мифологического сюжетов. Героиня стихотворения Э.А.По Елена так же, как и героиня пастернаковской книги, соотносима, благодаря общности имени, и с мифологическим литературным образом Елены, и с реальным адресатом стихотворения американского поэта. В данном случае можно говорить об "обнажении", акцентировании приема соотнесения образов, основанном на обыгрывании имени "Елена", которое используется и в стихотворении Э.А.По, и в стихотворной книге Б.Пастернака. Выбор в качестве эпиграфов текстов, которые так же, как и книга Б.Пастернака, связаны интертекстуальными отсылками с мифологическим сюжетом *о похищенной красавице* и вариантом его литературной рецепции, может интерпретироваться как намеренное использование автором приемов, подчеркивающих архетипичность сюжета.

Кроме выделенных в книге Б.Пастернака имплицитных связей образа Елены с героиней мифа и его рецепцией в европейской литературе Нового времени, можно выявить ряд перекличек с образом, восходящим к сюжету *о Спящей / похищенной красавице*. Так, в книгу включен цикл под названием "Елене". Это название, с одной стороны, отсылает к имени Елены Виноград, которой посвящена книга и которая является реальным прототипом героини намеченного в ней любовного сюжета. С другой стороны, обращение "Царица Спарты" и упоминание в первом стихотворении "Елене" из одноименного цикла имени Фауста позволяют соотнести образ героини стихотворения с образом Елены Прекрасной как героини мифа и трагедии "Фауста" И.В.Гете.

Центральные образы трагедии И.В.Гете упоминаются также в стихотворении "Любить, – идти, – не смолкнул гром..." ("Сестра моя – жизнь") и в стихотворении "Так начинают года в два..." ("Темы и вариации"). Помимо этого, в сборнике "Темы и вариации" есть два стихотворения, которые непосредственно обыгрывают образы гетевского "Фауста" – "Маргарита" и "Мефистофель"¹.

Рассмотрение реализации в книге стихотворений "Сестра моя – жизнь" сюжета *о Спящей / похищенной красавице* позволяет предположить его функциональную значимость в сборнике. Во-первых, сюжет *о Спящей / похищенной красавице* смыкается с редуцированным любовным сюжетом книги, включая историю отношений возлюбленных в контекст мировой культуры, отождествляя ее с такими укорененными в литературной традиции "любовными" сюжетами, как история Елены и Париса, Елены и Фауста. Во-вторых, сюжет *о Спящей / похищенной красавице* начинает выполнять структурирующие функции в сборнике, подчеркивая единство его концептуального замысла, связанного с обращением к проблеме красоты. Реализация в книге только одного из сюжетобразующих мотивов – мотива похищения, а также отсутствие мотива объединения возлюбленных в "параллельном" любовном сюжете становится демонстрацией процесса разрушения красоты, традиционно воспринимаемой Б.Пастернаком как основа мироздания.

В более поздних произведениях внимание к сюжету *о Спящей / похищенной красавице* сохраняется, однако в лирике поэта 1940-х годов оказываются востребованными другие сферы его интерпретации – фольклорная сказка и литературные жанры, повествующие о подвигах святого (жития, апокрифы). В качестве сюжетобразующего начинает выступать не мотив похищения, а мотив "потери страны и жены". Как отмечает С.Н.Бройтман, "страна и жена выступают в мифологическом сознании как составляющие двучленного параллелизма, а не являются аналитически расчлененными и сравниваемыми феноменами" [4: 331]. Трансформация мотива похищения в мотив "потери страны и жены" определяет изменение смыслового наполнения произведений поэта.

В стихотворении "Ожившая фреска" из цикла "Стихи о войне" образ героя сравнивается с иконописным изображением Георгия Победоносца, святого-змееборца. Подвиг героя войны 1941–

¹ По замечанию О.В.Сененко, в процессе создания книг "Сестра моя – жизнь" и "Темы и вариации" намечался единый "фаустовский" цикл, замысел которого остался нереализованным [3: 54].

1945 годов начинает соотноситься с подвигом святого, а военный конфликт осмысляться в контексте вечного противостояния космоса и хаоса, светлого и темного начал. В рамках "военных" стихотворений победа над драконом символизирует обретение утраченной "страны", победу над силами смерти и разрушения, воплощенными в образах военных противников: "И мальчик облекался в латы, / За мать в воображеньи ратую, / И налетал на супостата / С такой же свастикой хвостатою" [5: II, 69]. Соотнесение образов солдат с героями-змееборцами позволяет включить стихотворение "Преследование" в контекст рассмотрения интерпретации сюжета о *Спящей / похищенной красавице*: "И мы всегда припоминали / Подобранную в поле девочку / Которой тешились каналы" [5: II, 60]. Миссия солдат начинает интерпретироваться не только как освобождение земли от неприятеля, но и как спасение от дракона женщины, воплощающей в художественном мире поэта красоту земли: "В неистовстве как бы молитвенном <...> Летели мы по рвам и рытвинам <...> Мы с чертовней и прибаутками / Давили гнезда их гадючьи" [5: II, 61]. В стихотворении "Разведчики" образы трех солдат и захватчиков противопоставлены как причастные божественному ("Избавленных от пуль и плена / Молитвами в глуби отечества" [5: II, 62]) и дьявольскому ("Деревня вражеским вертепом / Царила надо всей равниною") началам соответственно.

Для позднего творчества поэта, в частности для художественного мира романа "Доктор Живаго" (1945-1955) и некоторых стихотворений, комментирующих его замысел, характерна ориентация на сюжет о *Спящей / похищенной красавице*, а также параллелизм образов "страны" и "жены". Связь образов "страны" и "жены" в романе может быть следствием сознательного сближения его сюжета с моделью волшебной сказки и жития, структурные элементы которых подвергаются взаимоналожению в рамках романа. Образ главного героя наделяется комплексом функций, связанных с образом Георгия в восточнославянской традиции. Святой Георгий выступает в качестве мученика, драконоборца, покровителя земледелия и скотоводства [6: 146]. Сюжет стихотворения "Сказка" может быть рассмотрен как микромодель сюжетной схемы романа. Связь сюжета стихотворения и романа предполагает возможность проецирования драконоборческого мотива и – более широко – связанного с ним сюжета о похищенной красавице на сюжетную линию Живаго – Лара. В образе Лары подчеркивается его включенность в природный контекст и соотнесенность с образом России. Образ Лары в художественном мире ро-

мана также становится персонифицированным воплощением красоты, а роман в целом задумывается как "книга о земле и ее красоте" (5: II, 48). В романном сюжете в качестве одного из мотивов начинает выступать мотив "потери страны-жены", который изоморфен мотиву похищения. Реализация мотива освобождения / возвращения как части сюжета о *Спящей / похищенной красавице* становится возможной в рамках стихотворного текста, в то время как в романе реализуется только мотив похищения. Так, возвращение красоте, воплощенной в центральном женском образе романа, ее первоначального статуса оказывается реализованным в рамках творческого акта героя-поэта – в написанном им стихотворении "Сказка", в то время как на сюжетном уровне романа не происходит реализации мотива возвращения. Напротив, значимость для романного сюжета именно мотива похищения, синонимичного мотиву "потери страны-жены", акцентируется при помощи удвоения: герой сначала "теряет" жену Тоню, эмигрировавшую за границу, а потом возлюбленную Лару, которая была увезена Комаровским.

Исследуя произведения Б.Пастернака, связанные с архетипическим сюжетом о *Спящей / похищенной красавице*, необходимо остановиться на позднем драматическом опыте поэта – незавершенной пьесе "Слепая красавица" (1959). Следует отметить, что пастернаковский вариант интерпретации традиционного сюжета о *Спящей / похищенной красавице* представляется новаторским: мотив ослепления как изоморфный по отношению к мотивам похищения или усыпления не является частотным в мировой литературе. Для анализа специфики соотнесенности пастернаковского драматического опыта с "готовым сюжетом" наиболее продуктивным представляется обращение к семантике и символике заглавия пьесы. В качестве одного из источников названия пьесы можно назвать фольклорную сказку о спящей красавице, сюжет которой связан с архетипическими представлениями о временной смерти (сне) в качестве необходимого этапа как мужской, так и женской инициации, предшествующей переходу в брачный возраст. Генезис названия можно полнее проследить при обращении к повести Н.В.Гоголя "Страшная месть" (как авторской интерпретации сюжета о похищенной красавице). Рецепция повести Н.В.Гоголя Б.Пастернаком связана с критическими суждениями о ней символистов, в которых намечена возможность соотнесения образов "страны" и "жены". Согласно Е.Б.Пастернаку, "название основывалось на символическом чтении "Страшной мести" Гоголя, в трактовке, данной Андреем Бе-

лым". Также биограф связывает название пьесы с образом России – спящей красавицы в поэме А.Блока "Возмездие". В статье Андрея Белого "Луг зеленый" дана аллегорическая интерпретация образа пани Катерины, который осмыслен как символ спящей России: "И все предались болезненным снам. И сама ты заснула в горнице, пани Катерина, и вот чудится тебе, будто пани Катерина пляшет на зеленом лугу, озаренная красным светом месяца <...> Россия, проснись: ты не пани Катерина..." [7: 333]. Данная А.Белым трактовка гоголевского образа Катерины была воспринята и другими символистами. В своей статье "Безвременье" А.Блок также обращается к образу Руси, интерпретация которого связана с рецепцией произведений Н.В.Гоголя: "Открылась даль. Пляшет Россия под звуки длинной и унылой песни о безытности, о протекающих мигах, о пробегающих полосатых верстах" [8: 29]. Как отмечает Л.А.Сугай, образ пани Катерины как воплощающий идею Родины "входит в поэзию символистов и становится устойчивой мифологемой" [9]. Так, интертекстуальные отсылки к повести Н.В.Гоголя, а также к поэтическим и публицистическим текстам А.Белого и А.Блока позволяют связать образ слепой красавицы в пьесе Б.Пастернака с образом России.

В пьесе была намечена реализация второго из структурообразующих мотивов сюжета *о Спящей / похищенной красавице* – мотива возвращения (в пастернаковском варианте – обретения ею утраченного зрения): "В эпилоге Луша прозревает. Петр Агафонов водит ее по врачам и раньше. Но в эпилоге приезжает с ней из-за границы с возвращенным зрением" (5: IV, 873). Можно отметить, что, как и в стихотворении "Сказка" (одном из немногочисленных примеров реализации мотива освобождения как второго основного мотива в сюжете о похищении), в пьесе функциями "освободителя" наделяется герой-художник (по сюжету пьесы Петр Агафонов – актер). Подобная тенденция может быть связана с представлениями о житнетворческом потенциале искусства, о его способности воплощать красоту и восстанавливать утраченную ею полноту.

В качестве тождественных, изоморфных по отношению к сюжету *о Спящей / похищенной красавице* в творчестве Б. Пастернака можно выделить сюжет умирания и возрождения в природном мире, то есть "вегетативный" сюжет в буквальном понимании термина ("Переделкино"), а также сюжет, в основе которого лежит мифологема Христа, использованный в качестве архетипического ядра сюжета романа "Доктор Живаго". Выделенные нами сюжетные схемы, так же как сюжет о похищенной красавице, вы-

ступают в качестве вариантов реализации циклического сюжета об умирании и воскресении. Циклический сюжет является одним из древнейших по своему происхождению и восходит к мифологии. Как отмечает О.М.Фрейденберг, "мифологический сюжет – это такой сюжет, в котором весь его состав без исключения семантически тождественен при всем различии форм, выражающих это тождество" [10: 224]. На принципиальную гомоморфность мифологических сюжетов, основанных на циклической модели, указывает Ю.М.Лотман: "Циклический мир мифологических текстов образует многослойное устройство с отчетливо проявляющимися принципами типологической организации. Это означает, что такие циклы, как сутки, годовой цикл, цепь умирания и рождений человека или бога, рассматриваются как взаимно гомоморфные" [11: 225]. Исходя из представления об изоморфности всех вариантов реализации циклического сюжета, можно предположить возможность рассмотрения всей совокупности пастернаковских сюжетов как одного из уровней репрезентации концепции красоты.

Специфика пастернаковского решения циклического сюжета – в акценте на необходимости восстановлении статуса красоты как онтологического основания мира, как синонима витального начала. Утрата красоты начинает воплощать неполноту жизни. Художественным воплощением красоты в творчестве Б.Пастернака может выступать образ женщины. В этом контексте обращение в качестве варианта циклического сюжета к сюжету *о Спящей / похищенной красавице* реализует представление о нарушении статуса красоты и разрушении мироустройства. При этом отсутствие реализации второй из структурных составляющих сюжета – мотива возвращения, как, например, в книге стихотворений "Сестра моя – жизнь" или в романе "Доктор Живаго", становится символическим воплощением иссякания красоты в мире. Возможность восстановления утраченного статуса красоты, как правило, связывается с творческим актом как способом ее созидания.

1. Фатеева Н.А. Содержательно-семантический и формально-семантический аспекты идиостиля // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Образные средства поэтического языка и их трансформация. М., 1995. – С.178-259.
2. O'Connor K.T. Elena, Helen of Troy, and the Eternal Feminine / K.T.O'Connor // Boris Pasternak and His Times. Papers from the Second International Symposium on Pasternak. Vol.25. Berkley, 1989. – P.214-221.

3. Сененко О.В. "Темы и вариации" в контексте раннего творчества Б. Пастернака: поэтика лирического цикла и книги стихов: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2007. – 209 с.
4. Бройтман С.Н. Историческая поэтика: Хрестоматия-практикум: учеб. пособие для студентов вузов по спец. – Москва: "Академия", 2004. – 341 с.
5. Здесь и далее произведения поэта цитируются с указанием порядкового номера, тома – римскими цифрами, страницы – арабскими, по изданию: Пастернак Б.Л. Собрание сочинений. В 5-ти т. [Редкол.: А.Вознесенский, Д.Лихачев, Д.Мамлеев и др.; Сост. и коммент. Е.Пастернака и К.Поливанова]. – М.: Худож. лит., 1989-1992.
6. Христианство: Энциклопедический словарь: В 2 т. Т.1: А – К / Ред. кол.: С.С.Аверинцев (гл. ред.) и др. – М.: "Большая Российская энциклопедия", 1993 – 863 с.
7. Пастернак Е.Б. Борис Пастернак: материалы для биографии. – М., 1989. – 688 с.
8. Белый А. Символизм как миропонимание: Сб. [Авт. вступ.ст.и примеч. Сугай Л.] – М.: Республика, 1994. – 528 с.
9. Сугай Л.А. Георгий Чулков и его поэма "Русь" // URL: <http://gask.countries.ru/?pid=180> (дата обращения 23.11.2009).
10. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. – М.: "Лабиринт", 1997. – 448с.
11. Лотман Ю.М. Происхождение сюжета в типологическом освещении // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 томах. Т.1. Таллин, 1992. – С.224-242.

META PLOT IN BORIS PASTERNAK'S CREATIVE WORK WITHIN THE CONTEXT OF THE CONCEPT OF BEAUTY

A.V.Molchanova

The article deals with the ways of constructing the plots in the works by Boris Pasternak. He often uses synonymous plots and motives, that form a unified plot – meta plot. Semantically some of these plots refer to one of the "ready plots" in the world literature about a sleeping or kidnapped Beauty. In the book *My Sister – Life* this motive comes together with the reduced love story. In his lyric poetry of 1940s Pasternak gives other interpretations to this plot. It turns into a folklore fairy tale and other genres which tell about the deeds of the saints (hagiographies, apocryphal works). The idea of the play *A Blind Beauty* is also considered within the context of this meta plot.

Key words: meta plot, cyclic plot, motive, archetypal motive, isomorphic

* * * * *

Молчанова Анна Владиславовна – аспирант кафедры русской, зарубежной литературы и методики преподавания Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета

E-mail: april_12@list.ru